

Серия «История»
2023. Т. 43. С. 26–40
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(571.5)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.43.26>

От простого собирательства к первым музеям (из истории становления музейного дела в дореформенной Сибири)

В. П. Шахеров*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы краеведческого изучения Сибири и сохранения ее природного и историко-культурного наследия в процессе собирания минералогических, естественно-научных, этнографических и археологических коллекций. Подчеркивается значительная роль в составлении первых крупных коллекций участников академических экспедиций, горных инженеров и мастеров, а также отдельных энтузиастов из числа представителей местной администрации и купечества, проявивших интерес к природным богатствам Сибири, памятникам старины и необычным предметам культуры сопредельных стран. Прослеживается путь от простого собирательства редкостей и предметов искусства наиболее деятельных из сибирских коллекционеров до настоящих исследований, содействующих созданию местных музеев, библиотек и художественных галерей. Особое внимание уделяется Иркутску, где на основе собранных книжных коллекций и домашних музеев сформировались купеческие культурные салоны. Увлечение коллекционированием расширяло научные и социальные горизонты сибиряков, содействовало познанию края и осознанию своей идентичности.

Ключевые слова: Сибирь, Китай, Русская Америка, академические экспедиции, информационно-культурная среда, памятники старины и культуры, коллекционирование, музейное дело.

Для цитирования: Шахеров В. П. От простого собирательства к первым музеям (из истории становления музейного дела в дореформенной Сибири) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2023. Т. 43. С. 26–40. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.43.26>

Original article

From Simple Collecting to the First Museums (from the History of the Formation of Museum Business in Pre-Reform Siberia)

V. P. Shaherov*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the issues of local history study of Siberia and the preservation of samples of its natural and historical and cultural heritage in the process of collecting mineralogical, natural science, ethnographic and archaeological collections. A significant role in the compilation of the first large collections belonged to the participants of academic expeditions, mining engineers and craftsmen, as well as individual enthusiasts from among the representatives of the local administration and merchants who are interested in the natural resources of Siberia, ancient monuments and

---

© Шахеров В. П., 2023

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

unusual cultural objects of neighboring countries. From a simple collection of rarities and art objects, the most active of Siberian collectors have worked their way up to real researchers, contributing to the creation of local museums, libraries and art galleries. The most culturally saturated environment has developed in Irkutsk, where real merchant cultural salons have been formed on the basis of the collected home museums. The passion for collecting expanded the scientific and social horizons of Siberians, contributed to the knowledge of the region and awareness of their identity.

Keywords: Siberia, China, Russian America, scientific expeditions, information and cultural environment, monuments of antiquity and culture, collecting, museum business.

For citation: Shaherov V. P. From Simple Collecting to the First Museums (from the History of the Formation of Museum Business in Pre-reform Siberia). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2023, vol. 43, pp. 26-40. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2023.43.26> (in Russian)

Русское продвижение в Сибирь носило ярко выраженный фронтальный характер, связанный не только с присоединением и хозяйственным освоением новых территорий, но и с осмыслением природно-географических и этнокультурных особенностей. В результате знакомства с новым миром происходило изменение представлений о народах, его населяющих, формировались первые, еще крайне разрозненные и неполные представления о культурном и языковом разнообразии сибирских и сопредельных территорий. Изучение нового информационно-культурного ландшафта, выявление и попытки сохранения остатков историко-культурного наследия как давно исчезнувших народов, так и вошедших в состав Российского государства инородцев стало одной из важнейших задач цивилизационной миссии России на Востоке. В различных уголках Сибири русским землепроходцам встречались материальные остатки неведомых народностей в виде курганов и других захоронений, развалины городищ и каменных сооружений. В них были «в свое время открыты вещи золотые, серебрянные, медные и железные. Те и другие принадлежали к употреблению домашнему, воинскому или конскому» [20, с. 312].

Еще в XVII в. расхищение захоронений стало доходным промыслом сибирских казаков и крестьян. Для большинства из них интерес представлял не столько древность и художественные достоинства находок, сколько те материалы, из которых они были сделаны. Интерес к собиранию предметов искусства и древностей, прежде всего западноевропейских, в начале XVIII в. только начинал складываться в ученой среде, представленной в основном выходцами из Европы, и среди небольшой группы аристократии, близкой к императорскому двору. Среди прочего в их собрания начали попадать ценные и необычные вещи из Сибири и Азии. Одним из первых, кто заинтересовался сибирским могильным золотом, был Николаас Витсен, копивший материал для своего труда «Северная и Восточная Тартария». Внушительные по разнообразию и стоимости коллекции были у А. Д. Меншикова, сибирского губернатора М. П. Гагарина, ученого и государственного деятеля Я. В. Брюса, имевшего наиболее значительное по тем временам собрание китайских предметов искусства и быта. Уральский заводчик А. Н. Демидов в 1715 г. подарил супруге Петра I в связи с рождением царевича Петра Петровича коллекцию сибирского курганного золота. Часть добытых «бугровщиками» предметов скупалась представителями сибирской администрации и

владельцами заводов, отдельные раритеты оказались в руках участников академических экспедиций.

После распоряжений императора и Указа Сената от 16 февраля 1721 г. «О покупке в Сибири куриозных вещей» местные власти начали преследовать разграбление сибирского наследия, а все найденные артефакты из серебра и золота посылать в Берг и Мануфактур-коллегию, а также в первый российский музей Кунсткамеру, где в итоге сформировалась «сибирская коллекция». В нее же передавались археологические и естественно-научные коллекции, собранные академическими экспедициями в Сибири. К сожалению, большинство сибирских захоронений и кладов было к этому времени безжалостно разграблено и уничтожено. Д. Г. Мессершмидт вынужден был констатировать, что все «языческие могилы» на берегах Оби оказались настолько разграблены, что «нужно было обладать особенным счастьем, чтобы случайно напасть на еще что-нибудь важное» [19, с. 30]. Традиции коллекционирования еще не добрались до Сибири, но в дома некоторых представителей местной администрации украшения и изделия из золота и серебра зачастую попадали. Так, И. Г. Гмелин встретил у красноярского воеводы позолоченные небольшой горшочек и поднос, на котором можно было «увидеть фигуры чеканной работы, похожие на то, как изображают птицу грифа» [6, с. 224], а шотландец Дж. Белл, участник посольства в Китай 1720 г., между прочих редкостей из кузнецких могил отметил фигурку всадника, «искусно отлитого из металла, и несколько зверьков из чистого золота» [20, с. 312–313].

Интерес к сибирским территориям, постоянно расширяющимся на северо-восток, знакомство с особенностями природного мира и полезных ископаемых, развитие хозяйственных связей в этнокультурной и трансграничной среде не могло не способствовать расширению информационного пространства и краеведению. Наибольшую активность в изучении края и сборе естественно-научных и историко-бытовых коллекций проявляли люди, имеющие, кроме личных мотиваций, определенное образование и знания. К ним можно отнести представителей административно-военных слоев, немногочисленной интеллигенции и купеческой элиты. Если в Тобольске в сферу изучения края традиционно были вовлечены представители духовенства и администрации, то для Восточной Сибири, особенно для Иркутска, заметным было участие купечества. Их предпринимательская деятельность в Якутии, на островах Тихого океана, а затем в Русской Америке, торговля с Китаем расширяла информационно-культурное пространство, требовала креативности и самообразования, отчего, по словам Е. А. Авдеевой-Полевой, появлялись «между торговым сословием люди необыкновенные и множество лиц достопамятных и оригинальных» [1, с. 55–56]. Во многих купеческих семьях Иркутска велись или имелись списки городских летописей. Городских обывателей разных сословий объединял интерес к прошлому своего города и края.

В Иркутской губернии было не так много остатков древнейших захоронений и городищ, поэтому разграбление ценностей не приобрело здесь промыслового характера, как в южных районах Западной Сибири. Тем не менее собиране предметов старины и экзотических вещей, в том числе

китайских, стало уже в первой половине XVIII в. достаточно модным поветрием. Д. Г. Мессершмидт отмечал, что иркутский воевода М. П. Измайлов был большим любителем редкостей и красивых вещей. Свою коллекцию он, по мнению ученого, собирал «для своего собственного удовольствия, как поступают по обыкновению все местные господа». В ней, кроме прочего, были ископаемые кости, в том числе мамонта, различные минералы, предметы китайского искусства и быта и другие редкости [23, с. 13]. Для нас в этом сообщении важно, что мотивацией такого собирательства было удовлетворение личных запросов и что подобные интересы стали уже распространённым явлением в городском обществе.

Интерес вызывали не только сибирская старина и этническое многообразие края, но и южные народы от Средней Азии до Китая, а также жители тихоокеанских островов и Аляски. Восточная ориентация Иркутска проявилась уже на рубеже XVII–XVIII вв.: в городе были посланники и торговые люди из различных мест Монголии, Средней Азии, Китая. Отмечая среди главных особенностей Иркутска его «китайский вкус», И. Г. Георги писал, что в городских домах «комнаты украшены китайскими картинами, куклами, вазами, разными поделками, отличным фарфором, эмалированными и лакированными вещами и всякими приборами, стены оклеены обоями. В трактирах подают некоторые китайские фрукты и варенья, что говорит о близости Китая и хорошей торговле» [26, р. 26]. Повсеместное употребление имели китайские ткани разных сортов, чай, сахар, табак. В Иркутске звучала речь на китайском, монгольском, японском языках, а среди горожан было немало людей, побывавших в Китае или связанных с русско-китайской торговлей. Разными путями в город попадали представители таких отдалённых государств, как Япония или Индия. В 1720-х гг. в Иркутске некоторое время проживал индийский купец из Дели с диковинным именем Парессотемагир. Он очень заинтересовал Д. Г. Мессершмидта, который брал у него уроки индийского языка и записал с его слов различные сведения о выращивании и сборе сортов чая [12, с. 106]. В городе учёный встретил ещё двух нищих индийцев, а также тангутского (тибетского) слугу индийского купца, который побывал в Индии и Китае, мог говорить на семи языках, но писать не умел [Там же, с. 110].

Мир Китая, с которым иркутяне познакомились по рисункам и миниатюрам, проникал в повседневную жизнь, формируя причудливые увлечения и стили. Иркутский краевед начала XIX в. А. И. Лосев отмечал отсутствие в городских усадьбах и садах классических «амфитеатров и бельведеров», указывая, что «беседки в употреблении более китайского вкуса (какие в городе Кантоне) с чертежей и китайских картин» [17, с. 178]. У многих чиновников и купцов имелись собрания китайских картинок и предметов прикладного искусства. Участники академических экспедиций, встречаясь с купцами, торговавшими в Китае, покупали у них редкости, ткани и бытовые предметы. Так, Д. Г. Мессершмидт у одного иркутского купца пытался выторговать несколько китайских изображений, но их цена оказалась учёному не по карману. Тогда он купил у него за 3 руб. одного китайского идола [12, с. 103].

Следует отметить, что коллекционирование в этот период принимало формы простого собирания редких и дорогостоящих предметов. Для многих это было простым вложением капитала, удовлетворением самолюбия и средством повышения престижа в обществе. Известно, что супруга Витуса Беринга, сопровождавшая его до Охотска, вывезла из Сибири 11 сундуков разнообразной пушнины, золотых и серебряных вещей, в том числе китайских редкостей [11, с. 35]. В то же время, если учитывать, что китайские вещи достаточно широко были представлены в интерьерах домов Иркутска и других городов Забайкалья, то небольшие домашние собрания редкостей и предметов роскоши были у многих представителей администрации и купечества.

С развитием интереса к изучению и освоению природных ресурсов края и деятельностью научных академических экспедиций в Сибири появляется первый опыт частного коллекционирования. Этот род занятий специалисты определяют как «целенаправленное собирательство, предполагающее изучение и систематизацию объектов, связанных общностью одного или нескольких признаков и представляющих научный, познавательный или художественный интерес как единое целое» [7, с. 278]. Более простое и доступное любительское собирательство можно рассматривать как начальный этап коллекционирования. Если собиратель научных коллекций должен был обладать определенными знаниями, целенаправленно подбирая и изучая артефакты, то любитель руководствовался личным эстетическим вкусом и мотивацией, ориентируясь на какие-то модные в обществе интересы и течения.

Одним из первых настоящих ценителей и коллекционеров китайского искусства был иркутский вице-губернатор Лоренц Ланг. Он неоднократно бывал в Китае с торговыми и дипломатическими поручениями, в частности, занимался приобретением фарфора для печей строящегося тогда в Петергофе императорского дворца. В Пекине Л. Ланг покупал также различные произведения искусства и «курьезные редкости» для Академии наук и Кунсткамеры. За заслуги на русской службе был пожалован в статские советники и назначен вице-губернатором в Иркутск, при этом продолжал курировать организацию торговых караванов в Пекин, получая годовое жалованье как директор каравана в 2 тыс. руб., в то время как вице-губернаторы получали в год 671 руб. [16, с. 194]. Вероятно, тогда и сложилась его небольшая домашняя коллекция в составе двух больших китайских картин на бумаге, 11 шпалер кожаных, разрисованных золотом, одного органчика черного лакового и 11 картин тушью на рисовой бумаге¹. После его смерти в 1754 г. коллекция была куплена у наследников лекарем Францом Елачицем для восполнения сгоревшего китайского собрания Кунсткамеры.

Одним из крупнейших сибирских коллекционеров был ученый-натуралист, член Стокгольмской и Петербургской академий наук Эрик Лаксман, собравший за время пребывания в Барнауле, Иркутске и Забайкалье большие коллекции растений и минералов для царского двора и знатных особ столицы. Его зоологические, минералогические и ботанические собра-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 2551. Л. 8–9.

ния поступали в Академию наук, Ботанический сад, Горный институт. По поручению иркутского губернатора Ф. Н. Клички он отбирал в Забайкалье различные растения и деревья для императорских садов. Собранный им еще в досибирский период «натуральный кабинет» в Петербурге состоял из 8,5 тыс. предметов как иностранных, так и сибирских минералов, коллекция естественной истории включала гербарий из 2500 растений, 4600 насекомых, 160 склянок с разными естественными произведениями, 50 ост-индских и сибирских птиц, сгруппированных вместе с редчайшими насекомыми в виде картин, 1650 раковин и 50 зоофитов [10, с. 241]. В 1787 г. эти собрания были приобретены М. Ф. Соймоновым для музея Горного института.

Не только природные ископаемые, животный и растительный мир Сибири привлекали Э. Г. Лаксмана. Одним из первых он обратил внимание на тихоокеанские территории. Он даже пытался участвовать в экспедиции Биллингса к Аляске, был одним из инициаторов первого посольства в Японию, которое возглавил его сын Адам Лаксман. «Я намерен ознакомиться, – писал он в одном из писем 1785 г., – с Курильскими и Алеутскими островами, да и с американским берегом до северной испанской границы» [10, с. 139]. Эти планы стали вполне реальны после того, как в 1790 г. его компаньон по Тальцинскому стекольному заводу А. А. Баранов возглавил русские колонии на Аляске. От него же он мог получать образцы растений и животных, горной породы и предметы быта коренного населения. Отправляя своему коллеге И. А. Эйлеру в декабре 1785 г. пять видов полотен, изготовленных жителями островов Тихого океана, он отмечал, что «эти дикари обнаруживают весьма хороший вкус в своих рисунках. И краски довольно приятны, не говоря уже об искусстве изготовления...» [Там же, с. 234–235].

В другом письме, от 18 февраля 1786 г., сообщал о посылке предметов, полученных «из самых отдаленных Алеутских островов». Большая коллекция раковин и зоофитов, насекомых и рыб, а также гербарий были переданы им в Академию наук после экспедиции его сына в Японию. Среди отправленных вещей было много произведений и домашних вещей жителей Курильских, Алеутских островов и Японии. Также Э. Лаксман преподнес императрице три почетные сабли, полученные его сыном от японского императора [10, с. 170]. Активное освоение сибирским купечеством Русской Америки приводило к тому, что в домах руководителей и участников морских вояжей на острова Тихого океана появлялись экзотические предметы коренного населения, образцы минералов и растений заокеанских территорий.

Конечно, такие коллекционеры, как иркутяне Л. Ланг, Э. Г. Лаксман, А. М. Карамышев, барнаулец П. К. Фролов, красноярец Г. И. Спасский, были исключением из правил. Их коллекции, отличаясь многопрофильностью, серьезным научным анализом и систематизацией, освещением в научной печати, были скорее уже домашними музеями или передавались их владельцами для пополнения музейных собраний. Они, как вершина айсберга, возвышались над сравнительно небольшой частью людей, занимающихся собиранием предметов старины и минералов, служа для них своеобразным ориентиром и примером. Для первых сибирских краеведов стремление к историче-

скому изучению края и его наследия принимало характер общественного служения. Не случайно енисейский гражданский губернатор А. П. Степанов, собравший значительную коллекцию артефактов из захоронений Минусинской котловины, призывал принять меры к их сохранению: «Желательно было бы, чтоб, по крайней мере, в настоящее время какой-нибудь государственный музей обратил на сии вещи особенное внимание и сберег рассыпанные остатки» [21, с. 31].

Интерес к историко-географическим знаниям, зарождение мотиваций к любительскому и научному коллекционированию во многом объясняет появление в 1782 г. в Иркутске первого в провинциальной России музея, открытого при публичной библиотеке. Конечно, инициатива и административный ресурс иркутского губернатора Ф. Н. Клички сыграли первостепенную роль, но появление этого уникального для региона очага культуры было невозможно без поддержки местного образованного общества и крупнейшего иркутского купечества. Причем учредители и меценаты оказывали новому начинанию не только материальную поддержку, но и участвовали в формировании фондов своими коллекциями. Одним из основателей музейного кабинета стал уже упоминавшийся Э. Г. Лаксман. Им была составлена программа формирования коллекций Иркутского музея и переданы гербарии, образцы горных пород и другие окаменелости. Непосредственное же управление деятельностью музея и библиотеки осуществлялось другим ученым, членом-корреспондентом Петербургской академии наук А. М. Карамышевым. Его коллекции минералов стали основой естественно-научной части музея [8]. Иркутский музей неслучайно называли «сибирской Кунсткамерой», как бы подчеркивая связь с первым российским музеем. В музейном кабинете были представлены образцы и макеты различных современных «дикивинок» – телескопа, электрической машины, орудия готовить целительные воды, а также модели фабрик, водоходных судов, различные минералы и гербарии растений. Там же можно было увидеть кусок ткани с Сандвичевых островов, полученный от капитана Дж. Кука, шкуру китайского козла, морских животных, лук и колчан, полное снаряжение калмыцкого воина и другие редкости [5, с. 85].

Создание публичной библиотеки и музея при ней заметно опередило потребности иркутского общества и общий уровень культурного развития края. Только спустя полвека, в 1830 г., вышло распоряжение МВД «Об учреждении в губернских городах публичных библиотек для чтения». В число 50 городов, в которых планировалось создание библиотек, вошли Тобольск и Томск. Но если в Томске городские власти выделили для учреждаемой публичной библиотеки две комнаты в здании городской думы, то в Тобольске ввиду отсутствия дворянства и малочисленности купечества посчитали, что «не настало еще время учредить библиотеку» [15, с. 28]. В 1835 г. вновь появилась городская публичная библиотека и в Иркутске, созданная в основном на пожертвования меценатов, в том числе В. Н. Баснина.

После отъезда Ф. Н. Клички из Иркутска публичная библиотека лишилась поддержки администрации и постепенно пришла в упадок. В 1789 г. книги и музейные коллекции, оцененные в 4 тыс. руб., были переданы Глав-

ному народному училищу, а в начале XIX в. вошли в состав только что открывшейся Иркутской мужской гимназии. На какое-то время коллекционирование осталось только в виде домашних собраний и кабинетов в домах некоторых чиновников, высшего духовенства и состоятельного купечества. С развитием образования у сибиряков заметно возрос интерес к книге, домашние библиотеки стали частью повседневной жизни городской элиты. Отмечая повышенный интерес к книге в сибирском обществе, Е. А. Авдеева-Полевая писала: «В Иркутске издавна были библиотеки почти у всех достаточных людей, и литературные новости получались там постоянно. Чтение – лучший просветитель ума, и соединение его с бытом чисто русским издавна образовало в Иркутске общество чрезвычайно оригинальное и вместе с тем просвещенное» [1, с. 55].

Особенно славились библиотеки иркутских купцов В. Лычагова, М. Сибирякова, С. Дудоровского, В. Баснина, Ф. Щегорина. У последнего было много китайских и маньчжурских книг. Большой известностью в Иркутске пользовалась домашняя библиотека сподвижника Г. И. Шелехова – А. Е. Полевого, в Тобольске значительное книжное собрание было у купца-мецената, основателя первой в Сибири типографии В. Я. Корнильева. Среди домашних библиотек Забайкалья выделялись собрания Крюковых и Игумновых в Кяхте, Шевелевых и Курбатовых в Верхнеудинске, Старцевых в Селенгинске, Зензиновых и Бутиных в Нерчинске. Наибольшее внимание владельцы библиотек уделяли справочникам, книгам научно-прикладного характера, периодическим изданиям и картам [13, с. 54]. Отличительной чертой большинства купеческих библиотек была их доступность для всех желающих, а некоторые приобрели статус публичных библиотек, где можно было обсудить литературные новинки и вопросы политической жизни. Наличие в купеческих домах библиотек, картинных галерей и минералогических коллекций стало в первой половине XIX в. признаком хорошего тона. Наиболее насыщенная культурная и общественная среда была, естественно, в губернском Иркутске. Изданный недавно Научной библиотекой ИГУ каталог наиболее полно отражает купеческий интерес к печатным изданиям, в нем представлено описание 19 купеческих книжных собраний².

Еще одним направлением, связанным с формированием эстетического вкуса и интереса к искусству, стало появление частных галерей и собраний. С конца XVIII в. в зажиточных домах того же Иркутска было модно украшать интерьеры различными акварелями и гравюрами на историческую тематику и произведениями ландшафтной живописи. Если в первой половине XVIII в. в основном преобладали иконы и картины китайского происхождения, то в начале XIX в. в купеческих коллекциях можно было увидеть работы российских и местных мастеров. Подражая дворянской традиции создания портретов своего рода, иркутское купечество также стремилось запечатлеть на портретах своих родных, в результате фамильные галереи стали обязательным атрибутом интерьеров купеческих особняков. Портреты членов

² Коллекции и книги из личных библиотек иркутского купечества XVIII – начала XX века : каталог / отв. ред. Р. В. Подгайченко. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 175 с.

императорской семьи, военачальников и государственных деятелей выписывались из столиц и становились привычным элементом интерьеров присутственных мест и домашних гостиных иркутских чиновников и купцов. Интерес к собиранию книг и произведений искусства проникал даже в самые отдаленные малые города. Например, в Киренске у мещанина Д. Сычева имелось 10 икон, 35 рисованных и печатных картин, среди которых преобладали портреты и сюжеты на библейские темы [25, с. 180].

Таким образом, интерес к произведениям искусства, собирание библиотек и рукописей, минералов, гербариев и предметов старины стал основой для формирования частных коллекций в Сибири. По мнению И. В. Чувиловой, чаще всего коллекционирование в купеческих домах начиналось с желания соответствовать дворянской повседневности, но вскоре становилось способом утверждения своего социального статуса, стремления зафиксировать историю, пока еще короткую, своего рода в собраниях семейных портретов и реликвий [24, с. 39]. Нередко купеческие усадьбы, в которых создавались большие библиотеки и домашние музеи, становились своеобразными культурно-просветительскими центрами, вокруг которых группировались небольшие кружки местной интеллигенции, куда, помимо купечества, входили молодые чиновники, офицеры, учителя, врачи.

Коллекционирование наряду с образованием и чтением содействовало становлению личности, креативности, росту общественного сознания. Следует иметь в виду, что для рассматриваемого периода «огромное значение имеет любой факт коллекционирования, любое, пусть даже самое малое собрание, поскольку акт собирания предметов в этот период – это акт самоидентификации. Познание себя и мира, осознание себя в мире – то, что принес век Просвещения, стало делом не элитарного круга избранных, но рядового человека» [Там же, с. 40]. Среди купцов – коллекционеров Сибири в первой половине XIX в. появились авторитетные знатоки искусства и старины, исследователи края. Широкую известность получили домашние библиотеки, музеи и кабинеты минералов и древностей тобольских купцов Корнильевых, иркутян М. В. Сибирякова, С. Ф. Дударовского, Н. П. Трапезникова, П. И. Пежемского, красноярца И. П. Кузнецова, забайкальцев А. К. Курбатова, М. А. Зензинова, М. Д. Бутина. Особенно современники отмечали разнообразные интересы иркутского купца В. Н. Баснина, его огромную библиотеку, в которой было собрано все, что издавалось по истории и современному состоянию Сибири, замечательный ботанический сад и оранжерею, нумизматическую и естественно-научную коллекции. Настоящей жемчужиной его собрания была коллекция произведений искусства, насчитывающая до 7 тыс. гравюр русских и иностранных мастеров, живописные полотна, множество старинных карт. Он собирал ее всю жизнь и относился к ней не просто как купец-меценат, а как ученый, тщательно изучающий и систематизирующий приобретенные произведения.

Кроме частного коллекционирования, в первой половине XIX в. продолжались попытки создания учебных, ведомственных и городских музеев. В этот период, как отмечает И. В. Чувилова, происходит «медленный пере-

ход от модного увлечения искусством и редкостями к пробуждению интереса к отечественным древностям, памятникам, произведениям искусства и, как следствие, к целенаправленному и осмысленному коллекционированию – начинается непростой процесс превращения истории в науку, “редкостей” – в памятники, а “кабинетов мод и страстей” – в музеи» [24, с. 40]. Купцы не только сами участвовали в создании региональных музеев, но и поддерживали их материально, а также передавали свои коллекции и собрания. При их поддержке пополнялись фонды музея Иркутской гимназии. В 1811 г. в музей поступила коллекция предметов священного культа от главного ламы забайкальских бурят. Среди них было пять картин буддийской живописи, девять скульптур бурханов, колокольчик, бубен и морская раковина, превращенная монахами в музыкальный инструмент. К 1824 г. музей гимназии располагал библиотекой более чем в 1 тыс. книг на разных языках, «минералогическим кабинетом» из 1135 штучек местных ископаемых, коллекцией из 950 раковин Восточного и Южного океанов, собранием ландкарт, планов, эстампов, математических и физических инструментов, моделей, редкостей с островов Тихого океана, в том числе из вещей, одежды и разных орудий [4, с. 22]. Поддержка музейных кабинетов при учебных заведениях Иркутска стала традицией и успешно продолжалась впоследствии. Так, в учрежденную в 1866 г. реальную прогимназию сразу же стали поступать книги и коллекции учредителей и меценатов Б. А. Милютин, И. П. и П. И. Катъшевцевых, П. П. Сукачева, Р. К. Маака, золотопромышленников И. Ф. Базилевского, С. К. Трапезникова, С. Ф. Соловьева. Архиепископ Иркутский и Нерчинский Парфений подарил коллекцию бабочек. В пополнении фондов музея участвовали даже ученики. С. Шелковников, например, подарил училищу собственную коллекцию насекомых из 150 особей [2, с. 344].

Своеобразным предшественником будущих музеев стали «минеральные кабинеты», которые возникали во второй половине XVIII в. – начале XIX в. в горнозаводских округах Сибири при административных центрах и горных училищах. Их собрания носили универсальный характер и, помимо минералов, включали палеонтологические и археологические артефакты, гербарии, картографический материал, модели машин и инструментов. Большую роль в организации и формировании фондов таких кабинетов сыграли коллекционеры. Так, горный инженер и поэт Ф. И. Бальдауф передал в горное училище Нерчинского завода, в котором преподавал, свои рисунки и чертежи, а также большую коллекцию образцов горных пород и археологических предметов [14, с. 130].

Основателями первого сибирского музея в Барнауле стали начальник Колывано-Воскресенского горного округа П. К. Фролов и главный врач округа Ф. В. Геблер. Первый, еще будучи томским губернатором, собрал богатую коллекцию рукописей и предметов восточного происхождения, в том числе образцов китайского искусства, картин, артефактов из чуждских и киргизских гробниц. Значительная энтомологическая коллекция, в составе которой насчитывалось 1400 видов насекомых, была собрана Ф. В. Геблером. Эти частные коллекции, наряду с уже имевшимися при горном училище этнографическими, зоологическими и минералогическими собраниями, стали

основой открытого в 1823 г. Барнаульского музеума. Современники оставили подробное описание музея, в двух залах которого были размещены модели рудников, машин и различных заводских устройств, за ними находились комнаты с чучелами животных и птиц (были даже образцы американских пернатых) и специальный стол «с иностранными и сибирскими насекомыми» [3, с. 64]. Интерес представляла археолого-этнографическая коллекция и минералогический кабинет с образцами ископаемых пород Уральского и Алтайского хребтов. Любопытно, что фонды музея отражали не только разнообразие недр, природные и этнокультурные особенности Алтая, но и включали одеяния, украшения, оружие различных народов Сибири и Северной Америки [Там же].

Даже в поселениях Русской Америки отмечался интерес к природе и культуре коренного населения. Предметы из колонии не только вывозились в Петербург и Иркутск, но и сохранялись в личных собраниях работников и служащих Российско-американской компании. Настоящий музей сформировался в Новоархангельске: наряду с книгами, отправленными в дар Русской Америке с первой кругосветной экспедицией, в распоряжение главного правителя поступили «разные портреты, рисунки и картины», а также чертежи разных судов, картографический материал, научные и навигационные приборы [22, с. 195]. В его доме расположилась доступная для всех библиотека, в которой в 1830 г. было 1700 томов, собрание мореходных карт и атласов. В отдельном кабинете были собраны чертежи и модели судов, а также чучела птиц и животных [18, с. 178].

Сибирские купцы также участвовали в организации торгово-промышленных и сельскохозяйственных выставок, часть из которых, став одной из форм развития научно-технических знаний и художественной жизни городов, со временем превратились в губернские музеи. Еще августе 1836 г. последовало предписание МВД об устройстве в губернских городах Сибири постоянно действующих выставок мануфактурных изделий, подобных кабинетам или «музеумам». В Иркутске для размещения выставки был приобретен 2-этажный каменный дом несостоятельного должника купца Забелинского. Предполагалось в верхнем этаже устроить выставку, а на первом разместить приходское училище. Для сбора экспонатов городская дума обратилась к купечеству с предложением предоставить образцы своей продукции, а ремесленная управа объявила художникам и мастерам о приобретении у них произведений для выставки³. По всей губернии развернулась работа по сбору образцов кустарной и мануфактурной промышленности, предметов культа и быта коренного населения, коллекций минералов, растительного и животного мира. Так, начальник Нерчинского округа в 1844 г. прислал образ «Бурхана Аюши», писанного на холсте, и свинцовую доску с вырезанной на ней литографией в монгольском стиле⁴.

Из-за затянувшегося поиска помещения под губернский музей открытие его затянулось на несколько лет, но работа по комплектованию фондов и оборудования не прекращалась. В 1840-х гг. была собрана коллекция раз-

³ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 3731. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 7 об.

личных предметов из 21 наименования. Музейное собрание включало санки камчатские, коряжские сани, кипрай-траву, туесок, большую и малую корзины, коврик, семь образцов пород, добытых около Тагильской крепости, два маленьких оленя, вырезанных из костей белого цвета, а также три собаки из кости, одну пару перчаток из Нижне-Колымска, пару рыбьих сапог, которые надевают поверх торбазов, 12 чучел разных птиц, чучело белого соболя, восемь небольших ящиков для хранения насекомых и два ящика с минералами. Для представления коллекций имелось два больших застекленных шкафа с внутренними замками и два больших стола, окрашенных красной краской⁵. Все эти годы делались неоднократные попытки открытия «музея естественных предметов» при Главном управлении Восточной Сибири. Распорядителем будущего музея был назначен инспектор мужской гимназии В. И. Седаков. Он стал автором руководства по собиранию и хранению музейных предметов, осуществлял переписку с краеведами, отыскивая их в самых отдаленных уголках губернии. В результате к 1850 г. было собрано около 650 предметов [4, с. 5].

Итогом всей этой подготовительной работы стал указ от 1 июня 1850 г., в котором генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев объявлял об учреждении в Иркутске при Главном управлении постоянного музея с выставкой произведений природы, искусства и разного рода промышленности. Особо оговаривалось привлечение к его деятельности меценатов и коллекционеров. Интересным ходом музейного маркетинга стало предложение предоставлять дарителям статус сотрудника музея. Тем, кто вносил от 10 руб. серебром и больше, выдавался на год печатный диплом сотрудника. Те, кто оказывал поддержку в течение трех лет, получал звание почетного члена. С меценатов, сделавших значительные пожертвования или подаривших ценные коллекции и артефакты, обещали сделать портреты и хранить в музее⁶. В 1854 г. губернский музей был передан в ведение открытого в Иркутске Сибирского отдела РГО. С этого времени можно говорить о работе музейного учреждения в Иркутске на постоянной основе.

Публичные выставки сельскохозяйственной и мануфактурной продукции стали обычным явлением в Сибири второй половины XIX в. На подобных выставках демонстрировались не только образцы народного хозяйства, но и произведения искусства, фотографические коллекции, предметы старины и быта коренного населения края. Активное участие в их организации и проведении принимали коллекционеры, для которых появлялась возможность показать свои собрания широкой публике и заслужить признание властей и общества. Один только красноярский купец М. К. Сидоров выставлял образцы туруханского графита и этнографическую коллекцию народов Севера на 25 выставках, в том числе 9 международных [9, с. 253].

Настоящий бум в развитии коллекционирования и музейного дела произошел во второй половине XIX в. Состав коллекционеров заметно увеличился и демократизировался за счет более активного участия интеллигенции, городского купечества и мещанства, ссыльных. Их вклад в создание местных

⁵ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3731. Л. 10–10 об.

⁶ Там же. Ф. 293. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

музеев заметно возрос. По подсчету Е. В. Комлевой, к 1917 г. в Сибири было открыто не менее 30 музеев, в том числе 8 из них на государственные средства, 11 принадлежали общественным организациям и еще столько же было создано на частные средства [Там же, с. 127].

Таким образом, развитию административно-экономического потенциала дореформенной Сибири способствовали расширение информационно-культурного пространства, интерес к ее природному и историко-культурному наследию. Значительную роль в изучении края, сохранении памятников истории и природных объектов сыграли коллекционеры, среди них были не только представители администрации, но и выходцы из демократических слоев. Особый вклад внесло иркутское купечество, которое, используя свои капиталы и креативность, смогло собрать оригинальные и высокохудожественные коллекции, ставшие известными далеко за пределами Сибири. Сибирские коллекционеры прошли путь от простого собирательства редкостей и предметов искусства до настоящих исследований, участвуя в создании местных музеев, библиотек и художественных галерей. Увлечение коллекционированием расширяло научные и социальные горизонты сибиряков, содействовало познанию края и осознанию своей идентичности.

Список литературы

1. *Авдеева-Полевая Е. А.* Воспоминания об Иркутске // Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. С. 54–75.
2. *Горощенкова О. А.* К 145-летию деятельности Восточно-Сибирского отделения императорского Русского Технического общества // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 9. С. 339–345.
3. *Гребеникова Т. Г.* История формирования профильных специализаций музеев России // Обсерватория культуры. 2014. № 6. С. 60–65.
4. *Дамешек Л. М.* Музей ВСОРГО: история формирования коллекции и выставочная деятельность (1851–1931 гг.) : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 82 с.
5. *Дичаров З. Л.* Необычайные похождения в России Джана Ледиарда – американца. СПб. : Наука, 1996. 170 с.
6. История Красноярска. Документы и материалы. XVII – первая половина XIX в. / сост. Г. Ф. Быконя. Красноярск : Офсет, 2000. 848 с.
7. *Каулен М. Е.* Коллекция // Российская музейная энциклопедия : в 2 т. М. : Прогресс : Рипол классик, 2001. Т. 1. С. 278.
8. *Колесник Л. М., Пушкина Т. Л., Свинин В. В.* ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2012. № 2. С. 44–56
9. *Комлева Е. В.* Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVIII – XIX век). Новосибирск : Параллель, 2018. 398 с.
10. *Лагус В.* Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб. : Изд. Император. акад. наук, 1890. 488 с.
11. *Линд Н.* Капитан-командорша. Сибирская экспедиция Анны Кристины Беринг // Родина. 2003. № 8. С. 30–36.
12. *Мессершмидт Д. Г.* «В Иркутском на реке Ангаре» (дневник: декабрь 1723 – февраль 1724) / сост. Ю. И. Чивтаев, Л. Д. Бондарь. Иркутск : На Чехова, 2021. 216 с.
13. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец XVIII – середина 90-х годов XIX века / отв. ред. В. Н. Волкова. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2000. 316 с.
14. *Петряев Е. Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита : Чит. кн. изд-во, 1954. 260 с.
15. *Полищук Ф. М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (XVIII в. – февр. 1917 г). Иркутск : Изд-во ИГУ, 1983. 166 с.

16. Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв. Избранное. Новосибирск : Сова, 2006. 301 с.
17. Резун Д. Я. К вопросу об образе жизни горожан Иркутской губернии начала XIX в. // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. С. 175–185.
18. Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск. М. : Наука, 1985. 302 с.
19. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области / сост.: А. П. Бородовский, Е. Л. Бородовская. Новосибирск : Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культур. наследия, 2003. 43 с.
20. Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 676 с.
21. Степанов А. П. Енисейская губерния. Красноярск : Горница, 1997. 224 с.
22. Федорова С. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М. : Ломоносов, 2011. 264 с.
23. Чивтаев Ю. И. Иркутские встречи Д. Г. Мессершмидта // Известия АЭМ «Тальцы». Иркутск, 2021. Вып. 11. С. 7–21.
24. Чувилова И. В. Коллекция как способ существования человека и культуры в классическую эпоху // Вестник Алтайского государственного педагогического университета: музееведение и сохранение историко-культурного наследия. 2015. № 24. С. 38–40.
25. Шахеров В. П. Социально-экономическое развитие верхнего Приленья в первой половине XIX в. Иркутск : Оттиск, 2000. 88 с.
26. Georgi J. G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772–[1774]. St. Petersburg : Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften, 1775. 506 p.

References

1. Avdeeva-Polevaya E.A. Vospominaniya ob Irkutske [Memories of Irkutsk]. *Zapiski irkutskikh zhitelej* [The Notes of Irkutsk Residents]. Irkutsk, Vost.-Sib. book Publ, 1990, pp. 54-75. (in Russian)
2. Goroshchenova O.A. K 145-letiyu deyatelnosti Vostochno-Sibirskogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo Tekhnicheskogo obshchestva [On the 145th anniversary of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Technical Society]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2012, no. 9. pp. 339-345. (in Russian)
3. Grebennikova T.G. Istoriya formirovaniya profilnyh specializacij muzeev Rossii [The history of the formation of profile specializations of museums in Russia]. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2014, no. 6, pp. 60-65. (in Russian)
4. Dameshek L.M. Muzej VSORGO: istoriya formirovaniya kollektsii i vystavochnaya deyatel'nost' (1851-1931 gg.) [VSORGO Museum: the history of the formation of the collection and exhibition activities (1851-1931)]. Irkutsk, ISU Publ., 2013, 82 p. (in Russian)
5. Dicharov Z.L. *Neobychajnye pohozhdeniya v Rossii Dzhana Lediarda – amerikanka* [The extraordinary adventures of Jan Lediard, an American, in Russia]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1996, 170 p. (in Russian)
6. *Istoriya Krasnoyarska. Dokumenty i materialy XVII – pervaya polovina XIX vv.* [History of Krasnoyarsk. Documents and materials of the 17th – first half of the 19th centuries] Krasnoyarsk, Ofset Publ., 2000, 848 p. (in Russian)
7. Kaulen M.E. Kollekcija [Collection]. *Russian Museum Encyclopedia: in 2 vol.* Moscow, Progress, Ripol Classic Publ., 2001, vol. 1, p. 278. (in Russian)
8. Kolesnik L.M., Pushkina T.L., Svinin V.V. VSORGO i muzejnoe delo v Irkutske [VSORGO and museum business in Irkutsk]. *Izvestiya IGU. Ser. Istoriya* [ISU news], 2012, no. 2, pp. 44-56. (in Russian)
9. Komleva E.V. *Sibirskoe kupechestvo: vklad v hozyajstvennoe osvoenie i izuchenie Severo-Vostochnoj Evrazii* [Siberian merchants: contribution to the economic development and study of North-Eastern Eurasia (late 18th – 19th centuries)] Novosibirsk, Parallel Publ., 2018, 398 p. (in Russian)
10. Lagus V. *Erik Laksman, ego zhizn, puteshestviya, issledovaniya i perepiska* [Eric Laxman, his life, travel, research and correspondence]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1890, 488 p. (in Russian)

11. Lind N. Kapitan-komandorsha. Sibirskaya ekspediciya Anny Bering [Captain-commander. The Siberian expedition of Anna Bering]. *Rodina* [Motherland], 2003, no. 8, pp. 30-36. (in Russian)
12. Messerschmidt D.G. *V Irkutskom na reke Angare (dnevnik: dekabr 1723 – fevral 1724)* [In Irkutsk on the Angara River (diary: December 1723 – February 1724)]. Irkutsk, On Chekhov Publ., 2021, 216 p. (in Russian)
13. *Ocherki istorii knizhnoj kultury Sibiri i Dalnego Vostoka* [Essays on the history of book culture of Siberia and the Far East.] Vol. 1. The end of the XVIII – mid 90s of the XIX century. Novosibirsk, GPNTB SB RAS Publ., 2000, 316 p. (in Russian)
14. Petryaev E.D. *Issledovateli i literaturnyye starozhitye Zabajkalya* [Researchers and writers of the old Transbaikalia]. Chita, Chita Book Publishing House Publ., 1954, 260 p. (in Russian)
15. Polishchuk F.M. *Istoriya bibliotecnogo dela v dorevolucionnom Irkutske (XVIII v. – fevr. 1917 g)* [The history of librarianship in pre-revolutionary Irkutsk (XVIII century – February 1917)]. Irkutsk, ISU Publ., 1983, 166 p. (in Russian)
16. Raffiyenko L.S. *Problemy istorii upravleniya i kultury Sibiri XVIII-XIX vv.* [Problems of the history of management and culture of Siberia of the 18-19th centuries]. Novosibirsk, Sova Publ., 2006, 301 p. (in Russian)
17. Rezun D.Ya. K voprosu ob obraze zhizni gorozhan Irkutskoj gubernii nachala XIX v. [On the question of the lifestyle of the citizens of Irkutsk province of the beginning of the 19th century]. *Russkie Sibiri: kultura, obychai, obryady* [Russian Siberia: culture, customs, rituals]. Novosibirsk, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS Publ., 1998, pp. 175-185. (in Russian)
18. *Russkaya Amerika v "zapiskah" Kirila Hlebnikova* [Russian America in the "notes" of Kirill Khlebnikov. Novo-Arkhangelsk]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 302 p. (in Russian)
19. *Russkie ostrogi XVIII veka na territorii Novosibirskoy oblasti* [Russian forts of the 18th century on the territory of the Novosibirsk region] Compiled by A.P. Borodovsky, E.L. Borodovskaya. Novosibirsk, 2003. 43 p. (in Russian)
20. Slovtsov P.A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [Historical review of Siberia]. Novosibirsk, Ven-Mer Publ., 1995, 676 p. (in Russian)
21. Stepanov A.P. Enisejskaya guberniya [Yenisei province]. Krasnoyarsk, Gornitsa Publ., 1997, 224 p. (in Russian)
22. Fedorova S. *Russkaya Amerika: ot pervykh poselenij do prodazhi Alyaski* [Russian America: from the first settlements to the sale of Alaska. The end of the 18th century – 1867]. Moscow, Lomonosov Publ., 2011, 264 p. (in Russian)
23. Chivtaev Yu.I. Irkutskie vstrechi D.G. Messerschmidta [Irkutsk meetings of D.G. Messerschmidt]. *Izvestiya AEM "Taltsy"* [News of AEM "Taltsy"], Irkutsk, 2021, iss. 11, pp. 7-21. (in Russian)
24. Chuvilova I.V. Kollekcija kak sposob sushchestvovaniya cheloveka i kultury v klassicheskomu epokhu [Collection as a way of human existence and culture in the classical era]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo pedinstitutu: muzeevedenie i sohranenie istoriko-kulturnogo naslediya* [Bulletin of the Altai State Pedagogical Institute: Museology and preservation of historical and cultural heritage]. 2015, no. 24, pp. 38-40. (in Russian)
25. Shakhеров V.P. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie verhnego Prilen'ya v pervoj polovine XIX v.* [Socio-economic development of the upper Prilenye in the first half of the 19th century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2000. 88 p. (in Russian)
26. Georgi J.G. *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772-[1774]*. St. Petersburg, Gedruckt bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften Publ., 1775, 506 p.

Сведения об авторе

Шахеров Вадим Петрович

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: wodalix@yandex.ru

Information about the author

Shaherov Vadim Petrovich

Doctor of Sciences (History), Professor
of the Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: wodalix@yandex.ru

Статья поступила в редакцию **06.08.2022**; одобрена после рецензирования **10.09.2022**; принята к публикации **15.01.2023**
The article was submitted **August, 06, 2022**; approved after reviewing **September, 10, 2022**; accepted for publication **January, 15, 2023**